

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТРАНСФЕР: МЕМПЛЕКСЫ В АНГЛОСАКСОНСКОЙ ТРАДИЦИИ¹

А. В. Проскурина²

Освещаются вопросы переноса информации во времени и пространстве. Автор, опираясь на научные идеи эволюционного биолога Ричарда Докинза, проводит параллель между идеями и эволюцией генов. В качестве такой параллели выступает культурный репликатор – мем, влияющий на сохранность идей того или иного индивида. Процесс копирования и передачи негенетической информации во времени и пространстве никогда не происходит идеально, и в популяции репликаторов возникают мутированные варианты, так или иначе отличающиеся друг от друга. Такой несовершенный процесс лингвокультурного трансфера способствовал возникновению большого количества вариативных религиозных течений, различных научных школ и пр. Показано, что теория лингвокультурного трансфера может быть рассмотрена и описана с позиции культурных матриц, а также мемов (и меметических комплексов). Так, в качестве примера переосмысления ценностей одной культуры в традиции другой автор приводит меметическую теорию религии, а также исчезновение религиозного смысла в современных наименованиях животных древнеанглийского бестиария.

Ключевые слова: лингвокультурный трансфер, негенетическая информация, мемы, меметические комплексы.

Принципы репликации культурной информации вызывают несомненный интерес у большинства исследователей, в частности благодаря переосмыслению ценностей одной культуры в традиции другой. Перенос информации во времени и пространстве рассматривается нами как лингвокультурный трансфер, который, согласно В.В. Фещенко и С.Ю. Бочавер, «не приравнивается к простому переносу из культуры в культуру, речь идет скорее о циркуляции и преобразении культурных ценностей и их переосмыслении или интерпретациях в новых культурах» [11, с. 18–19]. Ярким примером таких культурных переосмыслений, как будет показано далее, является меметическая теория религии, а также исчезновение религиозного смысла в современном наименовании животных древнеанглийского бестиария.

С.Г. Проскурин в статье «Семиотика форм хранения негенетической информации» дает ответ на излюбленный вопрос филологов о том, каким обра-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

² Новосибирский государственный технический университет.

630073, Россия, Новосибирск, пр. К. Маркса, 20.

doi: 10.5922/2225-5346-2017-4-8

Поступила в редакцию 18.09.2017 г.

© Проскурина А. В., 2017

зом в языках и культуре хранится и передается из поколения в поколение информация. Ответ заключается в матрицах — неких формах «для отливки» смыслов, благодаря которым происходит передача культурной информации во времени, поскольку эти формы способны хранить в себе структурную организацию объекта. Исследователь отмечает, что в основе индоевропейской культуры лежит матричный характер форм хранения негенетической информации, представляющий собой логическую последовательность, наделенную смыслом. Приведем цитату из данной работы касательно матрицы культурного концепта, поскольку она разъясняет формы отношения репрезентамена к объекту, простирающиеся в область культурной памяти:

Матрицы отражают разные грани концепта, его совокупный смысл и узус. Заполнение матрицы осуществляется в соответствии с культурными представлениями и понятиями конкретного народа. При этом отбираются те признаки, которые коллективное сознание языкового сообщества признает существенным для описываемого концепта. Последовательность перечисления признаков в матрице не произвольная, а строго иерархичная, обеспечивающая максимальную точность выражения смысла. Иерархия — следствие наличия матричной доминанты. При этом открывается некий принцип существования культурных концептов как знаков-символов. Они имеют что-то, что стоит за символом концепта — матричную доминанту — решающий смысл для знака. И действительно, когда мы говорим, что верим в Бога, мы верим в дружбу, то актуализируем как бы то, что стоит за данной символической лексикой, т. е., в нашем определении, матричную доминанту. В первом случае — концепт *религия*, во втором — *доверие*. Матрицы — это углубленные структурированные определения с фиксированными признаками, и по сравнению с лексическими значениями они передают более глубокие, ценностные смыслы» [13, с. 49].

Продолжая мысль С.Г. Проскурина о семиотической форме хранения и передачи негенетической информации во времени и пространстве, стоит также упомянуть, вслед за С.Т. Золяном и Р.И. Ждановым, и о глубинном сходстве между языком и процессами обработки и передачи генетической информации. Ученые в своей работе «Геном как (гипер)текст: от метафоры к теории» рассматривают возможности, форму и принципы описания генома как текста. Так, они приходят к выводу о том, что генетические тексты, описанные как семиотические объекты, могут оказаться моделью для общей теории текста. Авторы разрабатывают общую семиотическую теорию текста, которая поможет создать основу для соотношения биологической и социальной геномики [10]. Справедливо, на наш взгляд, может возникнуть вопрос о наличии такого уникального репликатора, который, будучи подвергнут копированию, передавался бы в исходном виде из традиции в традицию, из поколения в поколение. Самым известным таким репликатором является ген. А имеет ли место аналогичный репликатор в культуре?

Рассуждая о трансляции информации во времени и пространстве, нельзя не отметить важность реплицирующихся единиц. Ричард Докинз в своей известной работе «Эгоистичный ген» приводит связь между эволюцией генов и

идеями. Он пишет: «Однажды возникнув, репликатор способен генерировать бесконечно большое множество собственных копий. Однако процесс копирования никогда не бывает совершенным, и в популяции репликаторов возникают варианты, отличающиеся друг от друга» [7, с. 395]. Как отмечает Джеймс Глик, «Докинз предложил название для самого бесплотного репликатора. Он назвал его "мем", и это стало его наиболее запомнившимся изобретением, гораздо более значительным, чем эгоистичные гены или антирелигиозные проповеди. "Мемы распространяются в том же смысле, переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией", – писал он. Они конкурируют друг с другом за ограниченные ресурсы – время мозга или ширину канала. Но главное – они конкурируют за *внимание*. Например... идеи, мелодии, крылатые фразы...» [5, с. 333].

В словаре терминов, представленном в книге Ричарда Докинза «Расширенный фенотип», «мем» определяется как «единица культурного наследования, гипотетический аналог единичного гена. Предположительно сохраняется естественным отбором в силу своего "фенотипического" влияния на собственную выживаемость и тиражирование в культурной среде» [6, с. 512]. Следовательно, приспособляемость, а также сохранность того или иного индивида напрямую зависят от принятия и дальнейшей передачи культурных мемов. Так, Сьюзан Блэкмор [15], развивая теорию Докинза об эгоистичных генах и мемах, пишет о возникновении меметических комплексов («мемплексы»), которые могут появиться благодаря мемам, наилучшим образом приспособленным для воспроизведения (либо они наиболее привлекательны для передачи, либо они распространяются за счет других присутствующих в мемфонде мемов).

Жан Бодрийяр в своих трудах часто подмечал, что в нашем мире становится все больше и больше информации, тогда как смысла – все меньше и меньше. В своей известной работе «Симулякры и симуляции» он отмечает: «...социализацию повсеместно измеряют через восприимчивость к сообщениям СМИ. Десоциализированным, а фактически асоциальным является тот, кто недостаточно восприимчив к медиа. Информация везде, как полагают, способствует ускоренному обращению смысла и создает прибавочную стоимость смысла, аналогичную той, которая имеет место в экономике и получается в результате ускоренного обращения капитала. Информацию рассматривают как создательницу коммуникации, и, несмотря даже на огромные непроизводственные затраты, существует общий консенсус относительно того, что мы имеем дело все же с избытком смысла, который перераспределяется во всех промежутках социального – точно так же, как существует консенсус относительно того, что материальное производство, несмотря на свою дисфункциональность и иррациональность, все же ведет к росту благосостояния и социальной гармонии» [3, с. 110]. Информационный шум, который в последнее время особенно давит на людей ввиду стремительного роста информационных технологий, реплицирует гигантское количество «заразных»

мемов, будь то новомодные диеты, экстремальные селфи, ловля покемонов и т. п. Но самое примечательное в данной коммуникативной системе — переосмысление культурных ценностей, передающихся из поколения в поколение. Как уже отмечалось выше, процесс копирования и передачи негенетической информации во времени и пространстве никогда не бывает совершенным, и в популяции репликаторов возникают мутированные варианты, отличающиеся друг от друга. Такой несовершенный процесс лингвокультурного трансфера способствовал возникновению большого количества религиозных течений, различных педагогических методик, научных школ и пр.

Не рассматривая вышеприведенные примеры, сконцентрируем наше внимание именно на религии сквозь призму теории Ч. Докинза. Он, будучи выдающимся британским ученым-этологом, описывает в своем известном атеистическом труде «Бог как иллюзия» меметическую теорию религии. Так, он отмечает, что «на ранних стадиях эволюции религии, до ее формальной организации, простые мемы выживают благодаря их универсальной привлекательности для человеческой психики. На данном этапе меметическая теория религии и теория религии как побочного продукта работают параллельно. Для более поздних стадий, на которых появляются формальная организация и тщательно разработанные, специфичные для каждой религии особенности, можно с успехом использовать теорию мемплексов — групп совместимых мемов. При этом не исключается дополнительное воздействие намеренной манипуляции со стороны священников и других заинтересованных лиц... Одной практически полностью намеренно созданной религией является сайентология, но полагаю, что это исключение из общего правила» [8, с. 258—259]. Приведем в качестве примера зарождение христианства, христианской жизни, а также меры наказания духовных лиц и обычного люда.

Достаточно вспомнить «Кентерберийские рассказы» Джеффри Чосера, чтобы стать немного сведущим в христианской жизни Средневековья. И в Средневековье, и во времена евангелизации королевств германских племен было важным, чтобы прихожане знали и понимали содержание службы, чтобы они получали наставления и должные разъяснения от своего священника. Однако повсеместно наблюдалось невежество священнослужителей и народа. Часто образ жизни священнослужителя мало чем отличался от образа жизни мирян. Как отмечает Г. Дж. Берман [2, с. 65—67], именно монахи и монастыри своими примерами преподали германским народам христианские идеалы жертвенности, в то время как большинство священников и епископов погрязли в коррупции и насилии, так как они назначались ведущими политиками из числа родственников и приближенных. В христианской теории все равны перед Богом, будь то богатые или бедные, но на практике церковных судов все происходило иначе. «Уровень греховности» и степень наказания того или иного человека за проступок определялись чаще всего статусом грешника. Как справедливо подмечает Льюис Френсис Зальцман [9, с. 135], обычный люд не мог постичь тонкостей христианского вероучения и трактовал его по-своему в виду того, что их религиозным просвещением занимались духовные

лица, чьи умственные способности и моральный облик не всегда отвечали высоким критериям. Это можно в какой-то степени «оправдать» отсутствием книгопечатания, системы всеобщего христианского образования и религиозного просвещения прихожан. Стоит также отметить этого беспрецедентные случаи распространения папских индульгенций. Так, грешники могли частично или полностью очиститься от своих грехов, если полностью искренне раскаются и получают папские индульгенции. Но лица, распространяющие папские индульгенции, как правило, не отличались чистым и праведным образом жизни, поэтому сбывали эти индульгенции всем подряд, нередко ставя свидетельства об отпущении грехов на кон в игре в кости. Все это привело к тому, что папская индульгенция начала рассматриваться как патент на совершение любых грехов без опасения понести наказание в загробном мире.

В истории известны факты неодинакового наказания мирян, священнослужителей и, конечно же, королей, чья власть, бесспорно, сакральна. Позволим себе небольшое отступление относительно сакрализации власти. С V по X в. христианство распространилось по Европе, и место древних мифов, повествующих о воинственных богах, заняли евангельские представления о Спасителе и Создателе. Король представлялся людям того времени «наместником Христа», поскольку сохранял свое высокое положение в качестве верховного религиозного вождя и определял религиозные пристрастия своих народов. Новая вера была притягательна для европейцев в силу того, что она придавала жизни и смерти позитивный смысл, иначе говоря, объясняла тяготы и тайны бытия. Примечательно, что сакрализация королевской власти и королевского рода сохраняется и после принятия германцами христианской веры (см.: [14]). Как пишет Л. А. Андреева, наместник Христа — вселенский «живой образ» Иисуса Христа. «Как сказано в Библии, "и наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их" (Мф. 1:21). Следовательно, Богочеловек Иисус — это Христос, Спаситель, приносящий с собой новое, исправленное состояние всего мирового бытия, посредник между Небом и Землей. В христианстве сам факт Боговоплощения понимается как обязательное признание полноценного присутствия "небесного" в "земном", абсолютного в относительном» [1, с. 18–19].

Вернемся к письменному праву, фиксирующему наказание за тот или иной проступок. Как уже отмечалось выше, христианство повлияло на германские правовые институты. Ко второй половине X в. христианское духовенство окончательно закрепляет свои позиции среди англосаксов. Так, кстати, новая вера побудила «наместников Христа» заносить на бумагу законы в виде кратких сводов. Германские кодексы показывают внедрение христианских концепций — изначальное равенство каждого перед Создателем. Краткие своды помогали предотвращать кровную вражду и поддерживать мир. Однако это привело к ярко выраженной иерархии, поскольку духовным лицам были присвоены все привилегии знати. Таким образом, священнослужители приравниваются к сакральным членам королевской семьи, к тому же

наказание за греховные деяния в отношении них так же становится равным наказанию за проступок в отношении наместников Христа и членов их семей. Приведем цитату из книги А.Г. Глебова, в которой говорится о правонарушениях в отношении духовных лиц: «...штраф за убийство главы англосаксонской Церкви — архиепископа — становится равным компенсации за жизнь члена королевской семьи — этилинга; епископа — возмещению за убийство королевского служащего — элдормена; англосаксонский священник по рангу приравнивался к представителю служилой знати — тэну. Параллельно в законодательстве оформляется достаточно эффективная система защиты домашнего мира и достоинства духовенства. В юридические сборники постоянно вводятся титулы, специально предписывающие всему населению королевства "защищать и почитать" слуг Божьих, уважать служителей алтаря. За любое преступление, совершенное против человека, посвященного в духовный сан, взыскивался особый штраф, в то время как сами клирики за свои правонарушения наказывались гораздо легче, чем миряне. Даже будучи привлеченным к ответственности, священнослужитель оказывался в привилегированном положении, поскольку судебная процедура была более благоприятна для клириков, чем для светских людей. Например, священник в любом случае имел право очистить себя от обвинения мессой, причастием или присягой, в то время как мирянин зачастую такой возможности был лишен» [4, с. 92—93]. Таким образом, хотя истинное христианство предполагает равенство всех людей перед Господом, как мы видим, имеет место быть привилегированное положение определенного класса людей. Возможно, что такие полярные меры наказания за правонарушения являются результатом меметической теории религии.

В качестве еще одного подтверждения данной теории могут быть приведены религиозные концепты бестиариев, распространенные по всему миру. Примечателен этот пример тем, что наглядно показывает неточную репликацию мемов, ее мутирование по сравнению с репликацией генов, когда копирование происходит с высочайшей точностью. Первоисточником последующих бестиариев послужил греческий трактат «Физиолог», относящийся ко II—III вв. Как известно, страницы данного александрийского трактата повествуют о различных мифических и реально существующих животных, птицах, а также о волшебных камнях. Свою настоящую популярность «Физиолог» приобрел после своего перевода на латинский язык к IV—V вв., а затем, к IX—X вв., трактат стал широко известным в Западной Европе [8, с. 37]. Так, неизвестный автор перевел фрагмент этого перевода на древнеанглийский язык — этот текст дошел до наших дней в составе поэтического сборника X в. *The Exeter Book*. Данный перевод включает в себя следующие три поэмы (либо, как принято также считать, это одна поэма, состоящая из трех частей): *The Panther* («Пантера»), образ которой олицетворяет Христа, *The Whale* («Кит»), показанный как образ Дьявола, и *The Partridge* («Куропатка»). В первой части данного поэтического текста повествуется о Христе, представленном в образе

пантеры, вторая часть проливает свет на сущность Дьявола, описанного в образе кита, и в ней, как и в третьей части, упоминаются грешники и их дальнейшая участь. Выбор неизвестным поэтом именно этих живых существ был неслучайным, ведь они представляют собой обитателей трех стихий, созданных Богом: земля (пантера), вода (кит), воздух (птица). Три части поэмы символизируют смерть Христа во спасение людей и Его воскресение. Так, в *The Panther* символично повествуется о смерти Христа, Его сошествии в Ад и воскресении из мертвых. В части *The Whale* рассказывается о душах грешников, попадающих в Ад. В заключительной части поэмы, *The Partridge*, описывается день Страшного суда, когда души грешников и праведников предстанут перед Богом. Животные, олицетворяющие Сатану и грешников, представляют собой бедные знаки, или слабую степень индивидуальности, поскольку их части тела мало противопоставлены друг другу, то есть в тексте древнеанглийского бестиария нет детального описания их внешности, активности, способностей. При этом образ Сына Божьего предстает в канве текста максимально богатым знаком, заключающим в себе описание и внешности, и активности, и способностей пантеры. Следовательно, изображение Иисуса Христа ярко противопоставлено изображению Дьявола, что является следствием развитой христианской традиции древнеанглийского периода. Примечателен тот факт, что в настоящее время не встречаются контексты с отсылкой к *panther*, *whale* и *partridge*, в которых был бы тот или иной религиозный подтекст, так ярко прописанный в древнеанглийском бестиарии (для анализа нами использовались Британский национальный корпус (British National Corpus, BNC) и Корпус современного американского английского языка (Corpus of Contemporary American English, COCA)). Возможно, это связано с ограниченностью мемов, представленных в древнеанглийском бестиарии, с низкой эффективностью механизма их распространения.

Подведем итог. Теория лингвокультурного трансфера может быть рассмотрена и описана с позиции культурных матриц, а также мемов (и меметических комплексов). Типология форм хранения негенетической информации в культуре, как было отмечено С. Г. Проскуриным, зависит от фундаментальных свойств знака, его ресурса как потенциально занятого контента. Теория же Докинза гласит: мы состоим из генов и мемов. Через три поколения, согласно генетике, число генов в крови потомков иссякнет, поскольку с каждым поколением число переданных генов уменьшается вдвое. Однако, как отмечает Р. Докинз, «если вы вносите какой-то вклад в мировую культуру, если у вас возникла хорошая идея, если вы сочинили песню, изобрели свечу зажигания, написали стихотворение, они могут продолжать жить в первозданном виде в течение еще долгого времени после того, как ваши гены растворятся в общем фонде. Как заметил К. Уильямс, никого не беспокоит вопрос о том, сохранились ли на свете хотя бы один или два из генов Сократа. Мемоконплексы же Сократа, Леонардо да Винчи, Коперника или Маркони все еще сохраняют полную силу» [7, с. 304–305].

Таким образом, (древне)английская традиция в аспекте теории лингвокультурного трансфера является интереснейшим полигоном для дальнейшего изучения, а настоящее исследование предполагает продолжение анализа данного феномена.

Список литературы

1. Андреева Л. А. Сакрализация власти в истории христианской цивилизации: Латинский Запад и православный Восток. М., 2007.
2. Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии / пер. с англ. Д. Шабельникова и М. Тименчика. М., 1999.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М., 2015.
4. Глебов А. Г. Англия в раннее Средневековье. СПб., 2007.
5. Глик Дж. Информация. История. Теория. Поток / пер. с англ. М. Кононенко. М., 2013.
6. Докинз Р. Расширенный фенотип: длинная рука гена / пер. с англ. А. Гопко. М., 2013.
7. Докинз Р. Эгоистичный ген / пер. с англ. Н. Фоминой. М., 2014.
8. Докинз Р. Бог как иллюзия / пер. с англ. Н. Смелковой. СПб., 2017.
9. Зальцман Л. Ф. Жизнь в Англии в Средние века / пер. с англ. С. А. Рассадинавой. СПб., 2009.
10. Золян С. Т., Жданов Р. И. Геном как (гипер)текст: от метафоры к теории // Критика и семиотика. 2016. № 1. С. 60–84.
11. Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии : коллективная монография / отв. ред. В. В. Фещенко. М., 2016.
12. Марков А., Наймарк Е. Эволюция. Классические идеи в свете новых открытий. М., 2014.
13. Проскурин С. Г. Семиотика форм хранения негенетической информации // Критика и семиотика. 2007. Вып. 11. С. 47–53.
14. Элиаде М. История веры и религиозных идей: От Магомета до Реформации / пер. с фр. Н. Б. Абалаковой, С. Г. Балашовой, Н. Н. Кулаковой, А. А. Старостиной. М., 2012.
15. Blackmore S. The Meme Machine. Oxford, 1999.
16. British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 07.05.2017).
17. Corpus of Contemporary American English (COCA). URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 07.05.2017).
18. Dines I. A French modeled English bestiary: Wormsley Library MS BM 3747 // Mediaevistik. 2007. № 20. P. 37–47.

Об авторе

Проскурина Анна Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарного факультета, Новосибирский государственный технический университет, Россия.

E-mail: a.vyacheslavovna@gmail.com

Для цитирования:

Проскурина А. В. Лингвокультурный трансфер: мемплексы в англосаксонской традиции // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8, № 4. С. 91–100. doi: 10.5922/2225-5346-2017-4-8.

LINGVOCULTURAL TRANSFER:
MEMPLEXES IN THE ANGLO-SAXON TRADITIONA. V. Proskurina¹¹Novosibirsk State Technical University
20 Karla Marksa Str., Novosibirsk, 630073, Russia

Submitted on September 18, 2017

This article considers information transfer in time and space. Following the scientific ideas of the evolutionary biologist Richard Dawkins, the author draws a parallel between ideas and the evolution of genes. Such a parallel is represented by a cultural replicator – the meme, which affects the preservation of an individual's ideas. The process of copying and transferring non-genetic information in time and space is never perfect. Mutations occur in replicator populations. The imperfect linguocultural transfer has contributed to the emergence of a wide range of religious movements, schools of thoughts, etc. This article shows that the theory of linguistic cultural transfer can be considered and described from the perspectives of cultural matrices and of memes (meme complexes). The meme theory of religion and the disappearance of religious components in the modern designation of animals from the Old English bestiary are quoted as cases of reinterpreting the values of one culture in the tradition of another.

Key words: linguocultural transfer, non-genetic information, memes, meme complexes.

References

1. Andreeva, L. A., 2007. *Sakralizatsiya vlasti v istorii khristianskoi tsiivilizatsii: Latinskii Zapad i pravoslavnyi Vostok* [Sacralization power in the history of Christian civilization: the Latin West and the Orthodox East]. Moscow.
2. Berman, G. Dzh., 1999. *Vera i zakon: primirenje prava i religii* [Faith and Order: The Reconciliation of Law and Religion]. Moscow.
3. Bodriiyyar, Zh., 2015. *Simulyakry i simulyatsii* [Simulacrums and simulations]. Moscow.
4. Glebov, A. G., 2007. *Angliya v rannee Srednevekov'e* [England in the early Middle Ages]. St. Petersburg.
5. Glik, Dzh, 2013. *Informatsiya. Istoriya. Teoriya. Potok* [The information. A history. A theory. A flood]. Moscow.
6. Dokinz, R., 2013. *Rasshirennyi fenotip: dlinnaya ruka gena* [The extended phenotype. The long reach of the gene]. Moscow.
7. Dokinz, R., 2014. *Egoistichnyi gen* [The selfish gene]. Moscow.
8. Dokinz, R., 2017. *Bog kak illyuziya* [The God delusion]. St. Petersburg.
9. Zal'tsman, L. F., 2009. *Zhizn' v Anglii v Srednie veka* [Life in England in the early Middle Ages]. St. Petersburg.
10. Zolyan, S. T., Zhdanov, R. I., 2016. Genome as a (hyper) text: from metaphor to theory. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], 1, p. 60–84.
11. Feshchenko, V. V., Azarova, N. M., Bochaver, S. Yu., eds., 2016. *Lingvistika i semiotika kul'turnykh transferov: metody, printsipy, tekhnologii* [Linguistics and semiotics of cultural transfers]. Moscow.
12. Markov, A., Naimark, E., 2014. *Evol'yutsiya. Klassicheskie idei v svete novykh otkrytii* [Evolution. The classic ideas in the light of new discoveries]. Moscow.

13. Proskurin, S.G., 2007. Semiotics of forms which preserve non-genetic data. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], 11, p. 47–53.
14. Eliade, M., 2012. *Istoriya very i religioznykh idei: Ot Magometa do Reformatsii* [History of faith and religious ideas: from Mohammed to the Reformation]. Moscow.
15. Blackmore, S., 1999. *The meme machine*. Oxford.
16. *British National Corpus*. Available at: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> [Accessed 07 May 2017].
17. *Corpus of Contemporary American English (COCA)*. Available at: <http://corpus.byu.edu/coca/> [Accessed 07 May 2017].
18. Dines, I., 2007. *A French modeled English bestiary: Wormsley Library MS BM 3747*. *Mediaevistik*, 20, p. 37–47.

The author

Dr Anna V. Proskurina, Associate Professor, the Department of Foreign Languages, the Faculty of the Humanities, Novosibirsk State Technical University, Russia.

E-mail: a.vyacheslavovna@gmail.com

To cite this article:

Proskurina A. 2017, Linguocultural Transfer: Memplexes in the Anglo-Saxon Tradition, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 8, no. 4, p. 91–100. doi: 10.5922/2225-5346-2017-4-8.